

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dep. 10

Buenos Aires (30)

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXVI

Buenos Aires, martes 23 de julio de 1974

Буэнос Айрес, вторник 23 июля 1974

№ 1273

ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ СОЛЖЕНИЦЫНА КОМПАНИИ СИ-БИ-ЭС

Мы печатаем вторую часть текста интервью, данного лауреатом Нобелевской премии А. И. Солженицыным корреспонденту американской телевизионной компании Си Би Эс. Окончание будет опубликовано в следующем номере "Нашей Страны".

Как вы представляли себе судьбу своих рукописей до того, как был напечатан «Иван Денисович»?

Я думал еще много лет писать не открывая себя. Возможно, я бы послал вещи напечатать на Западе. Но должен вам сказать, как я теперь узнаю, например, об «Архипелаге» — еще до меня на Западе книг 20 уже напечатали, — в 20-ые, 30-ые, 40-ые годы. Люди рассказывали, из России писали, приезжали — рассказывали, — не действует! 30 книг написано об Архипелаге — их не заметили! Нужна была такая ситуация, как произошла со мной, что меня напечатали там, и нужно было мне вот отсюда написать Архипелаг, чтобы его заметили. Очень может быть, что я всю жизнь писал, кончил свои работы (или не кончил бы), и умер с этим, как у нас говорится, писал бы «в стол».

И что тогда случилось бы с вашими рукописями?

Это зависит от того, в какие руки они бы попали. Если бы я сумел передать их в твердые руки, верные, которые заботились бы о них, то конечно б их напечатали. Но тут и другой вопрос: а заметил бы их Запад? Повлияли бы они? Или канули, как те тридцать?

Хрущев сделал ошибку, напечатав «Ивана Денисовича». Но не сделал ли ошибки и Брежнев, выслав вас, ибо высылкой он привлек к вам еще большее внимание?

Тем, что он меня изгнал, он ничего мне не добавил. Тем, как меня преследовали в Советском Союзе, уже достаточно они объяснили мое место. А ошибку? Они совершают одну за другой. А потому что (я и пишу в «Письме к вождям»), руководствуются ложными целями. Я пытался внушить им, что они должны прояснить себе цели, может быть могли бы многое в стране исправить.

Как случилось, что «Архипелаг Гулаг» был опубликован, в то время как вы находились в Советском Союзе?

Оно бы так и было, так и должно было быть — «Архипелаг» должен был опубликоваться, когда я находился в Советском Союзе, только по плану моим это должно было произойти весной 75-го года. Я кончил «Архипелаг» в 68-м году. Но на мне с юности лежала и другая задача: написать историю русской революции — такой оболганной, искаженной, затемненной. А история революции не менее важна, чем история Архипелага, даже одна другую вызвала, без первой не было бы и второй, Октябрьская революция и родила Архипелаг. Я считал, что надо успеть хоть самые корни вытянуть, и вот тогда уже все вместе буду публиковать. Так и было задумано, что в Советском Союзе я буду, а где же? — и опубликую. Но весной 75-го года. Но конечно, когда вещь готова и держишь ее — долго не удержишь. Госбезопасность пользовалась слухами и искала эту вещь. Мой «Архипелаг» провалился в августе прошлого года. Как это случилось? Сам провал произошел очень обидно. Вот, через Воронянскую, покойную теперь Елизавету Воронянскую. Она помогала мне в прежние годы, помогала печатать даже промежуточный вариант «Архипелага». И этот вариант хранила у себя. Потом, когда я уже имел окончательный

вариант, я ей сказал, чтоб она уничтожила промежуточный. Она жила в Ленинграде, я в Москве, или около Москвы. Я ей дал знать, что нужно уничтожить. Она привела причины, почему сейчас не может: в земле, зима. Второй раз я ей сказал — нет, нужно уничтожить. Я не мог быть спокоен за то хранение, — она второй раз отказалась. Я третий раз сказал ей: уничтожьте, и она, да вот уже в 72-м году, написала мне письмо, такое драматическое, красивое письмо, как она его сжигала, вот как она сжигала лист за листом, как в костер бросала. И я поверил. А она меня обманула. Бедная женщина, обманула, потому что думала, что она спасет «Архипелаг», она эту книгу очень любила, была предана ей, — и вот сама рассудила так: а вдруг я не сохраню? А вдруг со мной что-нибудь случится? И с главным экземпляром? А она вот — сохранит. Хоть и промежуточный, а все-таки. Ну, а вышло все только хуже, да.

А кто была Воронянская? Как ее нашли?

Воронянская? Скромная женщина, простая служащая, она мне помогала как машинистка. Как нашли? В таких случаях, знаете, в тоталитарной стране, у нас и всегда этот первый вопрос: откуда узнала ГБ? Уже много лет она со мной не работала, считалось, что она ничего не хранит, не было переписки, не было работы. Кто ее знал? Ее знали всего «раз-два и обчелся», как говорят в России. Раз-два и обчелся. Хорошо знала ее моя бывшая жена Решетовская. Не знала свежего ничего, за последние 6 лет, свежих событий, а старые события знала, и старых, близких людей по прежнему времени. Но когда она прямо говорила мне, писала и через других передавала, что «будет мне мстить», я все же думал — мстить мне, но не над этой книгой, не над памятью погибших. Я скорее думал так: последние годы гебисты из АПН близки с ней, беседуют, конечно очень расспрашивают, и она, может быть, не удерживается от обильных рассказов о прошлом, показывает фотографии, называет имена? Так Воронянская и была взята. В тот день, как я узнал, что «Архипелаг» взяли, я в тот же день дал распоряжение на Запад печатать книгу, в тот же день, дальше уж было ждать нельзя. Но что бы Госбезопасность ни слышала об этой вещи раньше, она не могла представить себе силы этой книги. Когда же гебисты взяли экземпляр «Архипелага» и стали читать, или там, власти, — у них руки должны были загореться! Они должны были сотрястись: такой силы книги они не ожидали, ни по каким предварительным рассказам Решетовской. И вот, три недели прошло, как я дал команду печатать «Архипелаг», Решетовская звонит мне и взволнованным голосом зовет меня на встречу. Мы встречаемся на Казанском вокзале. И она открыто, от имени Госбезопасности, предлагает мне встретиться с важным лицом и поговорить, с важным лицом из Госбезопасности. Я отказываюсь. Тогда ст их имени она предлагает готовую сделку: «Ты должен сделать публичное заявление, что ты 20 лет не будешь печатать «Архипелага». 20 лет. И за это тебе сейчас напечатают «Раковый корпус». Вот когда они схватились! Когда «Архипелаг» уже был у них в руках, они поняли, что, может быть, надо было пе-

чатать «Раковый корпус». Но что теперь? Пугать? Пугать меня? — они знали, что бесполезно. Значит, оставалось — обмануть меня, вступить в переговоры. Через кого? Не найдешь, общих знакомых у нас с ними нет, только Решетовская. Очень была опасная встреча, если б через нее они поняли, что решение уже принято, книга уже набирается — они не остановились бы ни перед чем. Надо было обязательно выиграть три месяца, обмануть, усыпить ГБ на три месяца. И я сказал: «А я и не собираюсь печатать «Архипелаг», если не тронут моих 227 свидетелей». Она ответила уверенно: «ЭТИХ не тронут, а вот тех, кто помогал...» И пошла передавать мой ответ. Это была наша последняя встреча. Вот «тех, кто помогал», как она говорит, близких людей прежнего времени, знает только одна она. Я очень напряженно сейчас слежу за судьбой этих людей — что будет с ними в Советском Союзе?

Если Госбезопасность обладает такой неограниченной властью, то почему они не пошли просто в вашу квартиру, чтоб захватить рукопись «Архипелага»?

Видите, в 65-ом году, в самый разгар работы над «Архипелагом» они арестовали мой архив. В этом архиве был взят «Круг Первый» и еще там несколько пьес, мелкие вещи. Вот, «Пир победителей», о котором столько было шуму. В 65-ом году они могли меня удушить совершенно легко. Почему меня тогда не осмелились арестовать — не знаю, как у нас говорят — Бог покрыл. Еще была тогда такая глушь, что о том, что у меня взят архив, два месяца вообще нигде ничего не было известно. Через два месяца в «Нойе Цюрихер Цайтунг», за что я ей очень благодарен, напечатали — взят мой архив. В конце 65-го года действительно, меня могли они взять. Но «Архипелага» они бы не взяли. Потому что, как только они взяли мое хранение, так в течение трех часов «Архипелаг» уже от меня ушел. Ну, пережил я то время, и с большими осторожностями, никогда не дома, кончил «Архипелаг». А в 67-ом году, после моего письма Съезду Писателей, они просто уже не смели ко мне придти, так не смели и до конца. Вот в этом году пришли только, когда решились меня выслать, в тупике уже. Сила поддержки Запада такая, что они больше проиграли бы на этом, чем выиграли. Но, конечно, повторю, они «Архипелага» не представляли. А когда прочли — что же теперь брать? Если бы и арестовали, а «Архипелаг» все равно бы появился.

Но ко всему еще — ваша рукопись так вот мелко написана; тогда и весь «Архипелаг» в рукописи занимает мало места?

Да, вы знаете, это вот несчастный такой опыт. Приходилось мне так вот писать мелко. Действительно, не то, что «Архипелаг», но все мое собрание сочинений можно было перевезти с собой совершенно незаметно. Я писал от края листа до края, от конца до конца, и с двух сторон, вплотную.

Какое значение имеет западное общественное мнение, для большей свободы эмиграции, в Советском Союзе? Оказывает ли оно давление? Например, в случае с Паговыми, которые выехали недавно?

Влияние западного мнения — огромно. Я еще из Советского Союза писал, в интервью говорил, что Запад даже не понимает, как велико его мнение, но тогда, когда это слитный голос целого континента, когда не то что два-три интеллектуала говорят: «Я протестую, но я не верю в силу моего протеста», а когда поднимается слитный голос, в с е против. Вот вы приводите случай с Пановыми и с эмиграцией. Уж тогда разрешите, я скажу вам, что здесь происходит некоторый перекос внимания Запада к советским проблемам. А перекос этот, искажение — от искаженной картины, от того, что Запад просто недостаточно понимает, что делается в Советском Союзе. Действительно, все успехи в эмиграции достигнуты благодаря западному общественному мнению, исключительно. Случай с Пановыми это показывает, и много других случаев.

Но вот что здесь произошло. Как-то незаметным образом так получилось, что все лучшие усилия западного общественного мнения помочь положению в Советском Союзе — все направилось на эмиграцию, только бы облегчить эмиграцию, и эмиграцию облегчили. Но если сравнить, сколько было западных протестов и волнений по поводу невыпускаемых в эмиграцию с протестами и волнениям по поводу наших беззвучных страдальцев, героев, мучеников лагерей, психдомов и административного удушения, — то, я бы сказал, большая непропорциональность заслуг и отклика на них, даже предпочтение отдается тем, кто хочет спастись, уехать, перед теми, кто хочет остаться и исправить эту страну, рискуя собственной жизнью. Я напомню вам, в прошлом году, в сентябре, ваш председатель бюджетной комиссии Палаты представителей, г-н Вильбор Милз внес поправку к законопроекту о торговле с Советским Союзом более широкой, чем поправка Джексона. Милз потребовал не устанавливать торговых льгот до тех пор пока в Советском Союзе не прекратятся вообще преследования инакомыслящих, нарушение элементарных гражданских прав, то есть, постановка вопроса несравненно более мудрая, существенная, очень важная, и для самих Соединенных Штатов даже более важная, чем для нас. Но скоро опять все сползло только к одной эмиграции. Я конечно считаю, что всякий человек, который хочет эмигрировать, должен иметь эту свободу, что всякое препятствие эмиграции есть варварство, дикость, недостойная цивилизованной страны. Однако, эмигрируют, в общем, те, кто бегут, спасают себя от наших ужасных условий. Гораздо более мужественные люди, стойкие и преданные стране остаются для того, чтобы исправить там положение, чтобы добиться улучшения условий. Почему-то они и обделены вниманием Запада. Я отнюдь не прошу: «Пожалуйста, Запад, помогите нам!» Я считаю, что у Запада есть свои проблемы и Запад не обязан нам помогать. Положение, в которое мы попали, мы — Советский Союз, Восточная Европа, Китай — из этого положения мы должны выйти сами, собственными руками, но если уж Запад все равно нами занимается, если уж тратятся силы, волнения сердца, участие, то я бы просил помнить, что здесь происходит нарушение пропорций, ибо один день в психиатрической больнице, когда уколы делают,

АРХИЕПИСКОП НИКОН

ПИСЬМА ЦАРСКОЙ СЕМЬИ ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ

I

Типография преподобного Юва Почаевского Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле издала книгу капитального исторического значения: «Письма Царской Семьи из заточения». Эта книга, состоящая из 543 страниц составлена группой русских патриотов, в течение нескольких лет собиравших и комментировавших письма Царской Семьи после лишения ее свободы и до ее мученической кончины. Часть этих писем была раньше опубликована в различных изданиях, но некоторые письма в этой книге появляются впервые и снабжены факсимиле с подлинников. Всего в книге напечатано 227 писем, из которых 6 писем государя Николая Александровича, 89 государыни Александры Федоровны, 19 цесаревича Алексея Николаевича и остальные письма великих князей.

Письма адресованы оставшимся верным друзьям по прежней жизни до революции, по работе государыни и великих князей в годы войны в Царкосельских госпиталях раненым офицерам, подругам — госпитальным сестрам и вообще близким друзьям. Письма пояснены примечаниями, дающими полную картину личных переживаний царственных узников и революционных событий того времени, начиная от отречения государя от престола. К письмам еще добавлено описание убийства в Перми великого князя Михаила Александровича, злодейское убийство Царской Семьи, Алапаевское убийство (великой княгини Елизаветы Федоровны и членов Императорской фамилии и близких к ним лиц) и убийство членов Императорской фамилии в Петрограде.

Царская Семья ко времени заточения была в расцвете сил и здоровья кроме наследника, подверженного припадкам гемофилии. Царю было 49 лет, царице 45, наследнику 13 и великим князьям: Ольге — 22, Татьяне — 20, Марии — 18 и Анастасии — 16.

Царская Семья в своей личной жизни была исключительно любвеобильна и дружна. Их отношения между собой и к окружающим их людям были столь прочно установлены, что резкая перемена, произошедшая в их жизни, когда они из царского положения превратились в узников, еще больше сблизил их между собой и в их отношении к окружающим их людям. В них не было ни ропота ни

отчаяния, а глубокая покорность своей судьбе и углубленная религиозность.

О характере великих князей один из тяжело раненых офицеров долгое время пробывший в Царкосельском госпитале на лечении, пользовавшийся их уходом (медицинскими сестрами работали две старшие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна) отзывался так: «Первое впечатление о великих князьях никогда не менялось. И не могло измениться, насколько были они совершенными, полными царственного очарования, душевной мягкости и бесконечной благожелательности и доброты ко всем. Каждый жест и каждое слово, чарующий блеск глаз и нежность улыбки и порою радостный смех, — все привлекало к ним сердца людей. У них была врожденная способность и умение несколькими словами смягчить и уменьшить горе, тяжесть переживаний и физических страданий раненых воинов...»

Наследник, будучи очень живым, веселым и жизнерадостным постоянно бегал, прыгал, устраивал сам буйные игры, любил различные шутки, называл своих товарищей игр, читая имена с конца — Коля у него был Ялок, сам он подписывал свои письма — Йескела, придумывал прозвища чинам свиты, родители и сестры его обожали и называли Солнышком. Скромность во всех привычках была отличительной чертой царских детей. Так воспитали их родители.

После своего вынужденного отречения от престола государь сделал все, что мог для безболезненного перехода правления к новой власти. Он издал приказ о назначении председателем совета министров князя Львова, верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, командующим войсками Петроградского военного округа генерала Корнилова, обратился к населению с призывом быть верным новой власти, издал прощальный приказ войскам, который было запрещено опубликовать и не проявлял никаких намерений возвращать себе власть.

Среди немногих лиц, которые добровольно согласились остаться с Царской семьей на положении заключенных был губернатор швейцарец Пьер Жильяр и затем впоследствии в Тобольск прибыл англичанин Сидней Гиббс, сопровождавший Царскую Семью и в Екатеринбург.

один — в лагере особого режима, гораздо тяжелее, чем три месяца ходить в ОВИР и получать отказ: нет, не пускаем, нет, не пускаем, нет не пускаем. Тяжелей.

Находите ли вы, что отъезд из своей страны этически правилен со стороны тех, кто уезжает?

Я бы так сказал: если уезжает человек, который чувствует себя в Советском Союзе чужеземцем, который не считает эту страну своей, то это — совершенно естественный поступок, это естественное движение свободного человека. Он хочет уехать и жить в другом месте. И я никогда его не осужу. Более того, людей, которые едут в Израиль, только понимаете, действительно в Израиль, не тех, которые притворяются, говорят, мы поедим в Израиль, а сами едут в другое место, а тех, кто говорят: мы едем в Израиль — и едут в Израиль — я их глубоко уважаю. Потому что они, в общем, избирают для себя более тяжелую жизнь. В Израиле им будет и опасней, и больший долг на них будет висеть, тяжесть обязанностей, их движет религиозное чувство национального возрождения, я их глубоко уважаю. Но мне кажется диким, когда говорят так: вот это моя страна, моя родина, Советский Союз или Россия. Но здесь плохо, поэтому я сейчас уеду; уеду, с вами не буду, а оттуда, с Запада, буду объяснять даже, как вам быть, рецепты буду давать, что вам делать; потом, если будет лучше, я вернусь. Нет, Когда в доме плохо, болезни, несчастья — из дома не уезжают. Из дома можно уехать, когда все хорошо.

Если США, пользуясь торговлей или другими видами международных отношений, пытаются заставить Советский Союз изменить свою политику, Вам не

кажется, что это вмешательство во внутренние дела страны?

В «Письме вождям Советского Союза» вы высказывали мнение, что Советские лидеры должны были бы сосредоточиться на своих собственных делах, не кажется ли вам, что мы должны были бы также считать, что и Соединенные Штаты должны сосредоточиться на своих собственных делах?

Я говорил уже в Нобелевской Лекции: внутренних дел вообще не осталось на нашей планете, нет внутренних дел. Этим отгораживаются тоталитарные правительства — внутреннее дело — и Запад принимает. И в «Письме вождям» я призываю лечить нашу страну изнутри, а вовсе не спрятать наши внутренние дела от мирового обсуждения, такого я никогда не говорил. Вот у вас в Америке, у вас же внутренних дел нет? Вы открыто говорите на весь мир и предлагаете всем говорить о ваших делах, пусть все говорят, кто хочет — может говорить. А как Советский Союз — так стена: внутренние дела. Это — не внутренние дела, это — за б о р, с т е н а, за которой все прячется, и когда-нибудь откроется, но будет слишком поздно. Но разница в том, что вы свой внутренний порядок не навязываете всему миру. Советский Союз в этом отношении не идет в сравнение с Соединенными Штатами, только с Китаем. Только две державы Советский Союз и Китай — желают распространить свою систему на весь мир. Соединенные Штаты такой не имеют цели и задачи, и это показал послевоенный период, тридцать лет после Второй мировой войны. Советский Союз каждый свой шаг сопровождает политическими условиями. Значит, прежде всего, я имею право обратиться к правительству своей страны, и никогда не обращусь к американскому правительству, я все время оговариваю — я не призываю американское правительство ни к чему.

После убийства Царской Семьи он возвратился на родину перешел в православие, принял монашество и скончался в сане архимандрита.

Как только Царская Семья несколько свыклась с положением заключенных они постарались найти доступную для них работу, чтобы не быть в праздности. Об этом так свидетельствует Жильяр. «Вот уже второй день (13 мая), что мы разбираем огород в одной из полян парка. (Заключенным было разрешено пользоваться частью парка под надзором караула). Мы начали с того, что сняли дерн, который перенесли на носилках и складываем в кучи. Все принялись за работу. Царская Семья, мы и прислуга двора, которую с некоторых пор выпускают на прогулку вместе с нами. Даже несколько солдат караула принялись нам помогать. Мы закончили несколько времени тому назад наш огород, который стал великолепно. У нас есть все решительно овощи и пятьсот качанов капусты. Служащие тоже разбили огород по другую сторону двора. Они разведут в нем, что им вздумается. Мы ходим, в том числе и государь, помогать им пахать землю. Теперь, когда мы закончили садовые работы и, чтобы занять свободное время, мы попросили и получили разрешение срубить сухие деревья в парке. Мы переходим с места на место вместе с караулом. Мы становимся довольно ловкими дровосеками и сделаем таким путем запас дров на будущую зиму».

Вскоре, однако выход в парк из двора, двери которого запирались караулом на замок, был ограничен. В одном из писем государыня пишет: «Они (заключенные) не могут, как раньше; быть целый день на балконе или в саду, так что он (государь) и Алексей по утрам час гуляют. От двух до пяти все, а он с девочками от семи с половиной до восьми. Все-таки много на воздухе, а это им полезно всем, физическая работа для государя необходима, с детства к этому привык. С покойным отцом вместе леспили и рубили, так он и теперь со своими людьми делает. Иногда, если хорошие солдаты, то помогают нести дрова. Теперь у него есть много времени читать, что последние годы редко удавалось. Он страшно историческую и военную литературу любит... С покорностью без ропота все переносит его касающееся, но как за родину страдает, за армию... Невыносимо тяжело видеть эту беструю во всем разруху — обидно, больно — вся работа пропала. Один Господь может еще любимую родину спасти и я не теряю эту надежду, хотя много еще тяжелого придется перенести».

Свое правительство я призываю — не распространять нашу жестокую систему на весь мир. Мы потому должны уйти внутрь, что мы распространяем свою систему на весь мир, а у нас, внутри страны, творятся ужасные вещи. Но это не значит, что если я так призываю Советский Союз, то так надо призывать каждое государство.

Вы считаете, что советские репрессии создают угрозу международному миру?

Да, я считаю, что советские репрессии по своему значению совсем не есть внутреннее дело Советского Союза, советские репрессии представляют собой опасность для международного мира. ГУЛАг продолжается, но продолжается в новых формах, которые ждут своего летописца. С Запада может казаться: вот, было страшно при Сталине, а сейчас будто ничего страшного нет. Для того чтобы увидеть, что делается в Советском Союзе, нужно, к сожалению, иметь советский опыт. Как я сказал: ошечены наши дела плохо, западные наблюдатели не видят в глубину, нужно иметь советский опыт. Объем Архипелага сейчас уменьшился, это, конечно, уже не те 15 миллионов, какие были, а вот, в оценке Сахарова — 1,5 миллиона. Возможно, так. Объем уменьшился. Жестокость? — нет. Жестокость не уменьшилась. Есть очень тяжелые режимы, так называемые с т р о г и й и о с о б ы й. Они вполне на уровне самых страшных сталинских лагерей, где от голода умирают, от недостатка медицинской помощи умирают, зверские режимы. А потом есть психдома, такого и при Сталине не было. Даже Сталин не мог догадаться до этого, до психдомов. Но сейчас есть еще и другие формы репрессий, вот этого американцам и людям Запада почти нельзя себе представить, такой порядок в стране. Я попробую объяснить вам,

О своих собственных переживаниях государыня пишет так: «Все можно перенести, если Его (Бога) близость и любовь чувствуешь и во всем Ему крепко веришь. Как ни тяжелы испытания они готовят нас для другой жизни, в далекий путь. Собственные страдания легче нести, чем видеть горе других и не будучи в возможности им помочь. Очень много Евангелие и Библию читаю так как надо готовиться к урокам с детьми, и это большое утешение с ними потом читать все то, что составляет духовную пищу. И каждый раз находишь новое и лучше понимаешь. У меня много таких хороших книг, всегда выписываю из них. Там никакой фальши. Вы когданибудь читали письма Иоанна Златоуста к диаконессе Олимпиаде? Я их теперь опять начала читать... Мои хорошие книги мне очень помогают. Нахожу в них ответы на многое. Они силы дают, утешение и для уроков с детьми. Они (дети) много глубоко понимают душа работает в скорби...» Кроме чтения и уроков государыня еще много занималась рукоделием, вязанием и вышивками для детей, для своих друзей и для церквей.

Уроки с детьми возникли при следующих обстоятельствах. Вскоре после Пасхи, когда дети после перенесенных ими ранней весной болезней, окрепли, возник вопрос о продолжении учения наследника и младших князей. Преподаватели к заключенным не допускались и было решено организовать уроки собственными силами. Государь взял на себя историю и географию, государыня — Закон Божий. А другие предметы распределили между собой лица свиты и приближенные. Кроме того государь по вечерам вслух читал что-либо из литературы занимавшейся рукоделием семье.

О жизни в заключении в Царском Селе впоследствии уже из Тобольска, куда были перевезены заключенные в августе месяце государь написал своей сестре великой княгине Ксении Александровне. «Когда я приехал из Могилева. (8/21 марта), то застал всех детей очень больными, в особенности Марию и Анастасию. Проводил разумеется весь день с ними, одетый в белый халат. Доктора приходили к нам утром и вечером, первое время в сопровождении караульного офицера. Некоторые из них входили в спальню и присутствовали при осмотре докторами. Потом это сопровождение врачей офицерами было прекращено. Я выходил на прогулку с Валей (Долгоруковым, б. гофмаршалом двора, сопровождавшим Царскую Семью в заточении и впоследствии расстрелянным в Екатеринбурге отдельно от Царской Семьи). Так как парк перестали чистить с конца

если вы сумеете вникнуть в это. Понимаете, у нас есть два института, две системы, которых на Западе нет, которые работают вместе, и берут человека в о т т а к... Одна, что работодателя — только государство. Вы не можете получить работы ни у кого, кроме государства, где бы вы ни работали, это все решается государством. И если есть приказ вас не принимать на работу — нигде не примут. А другая система — паспортный режим. Режим прикрепления к месту. Вы не можете никуда уехать из этого местечка, из этого маленького поселка или города, или деревни, и вы находитесь во власти не то что там центральных властей или советского аппарата, вы находитесь во власти, вот, здешнего начальника, и если ему не нравитесь, вы пропали, и уехать никуда нельзя. Таким образом, эти две системы вот так вот берут и душат человека, а снаружи будто ничего нет, его же не сажают в тюрьму. И в этот захват попадает сейчас гораздо больше людей, чем сидит в лагере. Сейчас много говорится о разрядке, будто эта разрядка — облегчение воздуха везде, в том числе и в Советском Союзе, и в Восточной Европе. Но нет, наоборот, в Советском Союзе обстановка сгущается, сбросили избыточный пар чтоб давление было поменьше, а остальных будут душить, в глубине душить. Снаружи кажется — разрядка, мир, а у нас там внутри — сгущение черное. Я это остро чувствую по выпатыванию всех, кто был близок ко мне или как-то меня касался. В Советском Союзе введено такое понятие — «друг Солженицына». Это криминал, как бы статья Уголовного Кодекса. Буквально, если «друг Солженицына», за это можно дать пять лет. Такого моего друга как академик Игорь Шафаревич, всемирно известный алгебраист, лауреат международных премий, недавно его избрали в американскую Академию Наук, ну, такого еще

И. САВЕЛЬЕВ

КАЛИТА

Где-то там, далеко на Урале, — Там, где в небо уперся гранит Темной ночью, как жертва, в подвале Был помазанник Божий убит. Был убит он с детьми и женою, С горстью верных до гроба служа, И с тех пор над несчастной страной Льетесь кровь и сгущается мрак.

Б. А. ПЕТРУШЕВСКИЙ

К 60-летию начала Первой мировой войны — «прелюдии революции», по выражению Бориса Пильняка.

Из статьи французского журналиста и политического деятеля Марселя Бюкара: «Они одни, среди великих мертвецов Войны, остались забытыми.

...Три миллиона пятьсот тысяч душ бродят по старой Европе, не зная, где они найдут успокоение после принесенных за нее жертв.

Но забвение мертвых не обходится безнаказанно! Живые, не сумевшие отвести им убежища в уголке земли, под сенью деревьев, или под мраморной плитой, или хотя бы в глубине своего сердца, рано или поздно, погибнут под тяжестью их проклятий.

Старая Европа не может оправиться от кровавой бури, которая ее потрясла до основания: ее правительства падают одно за другим: все построения политиков и финансистов оказываются тщетными; бездомные мертвецы мстят за себя. Два миллиона пятьсот тысяч русских, которых оставили истлевать и у холмов Реймса, и в ущельях Карпат, в болотах Пруссии, на побережьях Черного моря... Они висят тяжелым грузом на том мире, который их забывает...

В августе 1931 года, орган французского Союза участников великой войны выпустил номер газеты «La France Combattant» посвященный участию России в этой войне.

Марсел Бюкар, автор передовой статьи «Мертвым Святой Руси» призвал к сооружению памятника Государю и всем русским воинам, погибшим в Мировую войну, высказывая уверенность в том, что этот памятник станет местом паломничества, и явится залогом «воскресения Европы через воскресение Святой Руси».

«Если генерал лорд Баден-Пауэлл

февраля гулять было негде из за массы снега — для меня нашлась прекрасная работа — очищать дороги. Цепь часовых стояла — одна вокруг дома, а другая вокруг пруда и решетки маленького сада. ... Гулять можно было только внутри и вдоль второй цепи. Когда стал лед и сделалось тепло, бывший комендант полковник Корвиченко объявил, что он отодвинет цепь подальше. Прошло три недели и никакой перемены. В один прекрасный день со мной последовали четыре стрелка с винтовками; этим я воспользовался и, ничего не говоря, пошел дальше в парк. С тех пор начались большие ежедневные прогулки, а днем рубка и распилка сухих деревьев. Выходили мы все из дверей круглой заты; ключ от которой хранился у начальника караула...

Выход наш в сад вместе со всеми нашими людьми для работы или на огороде или в лесу, должно быть напоминал оставление зверями Ноева Ковчега, потому что около будки часового у схода

с круглого балкона собиралась толпа стрелков, насмешливо наблюдавшая за этим шествием. Возвращение домой тоже происходило совместное, так как дверь сейчас же запиралась. Сначала я здоровался по привычке, но затем перестал, так как они плохо и вовсе не отвечали...

Разумеется за этот долгий срок с нами было множество мелких забавных и иногда неприятных происшествий, но всего не описать, а когда-нибудь, даст Бог, расскажем Вам на словах...

«Тяжело чрезвычайно жить, — пишет государь в другом письме, — без известий, телеграммы получают здесь и продаются на улице не каждый день, а из них узнаешь только о новых ужасах и безобразиях, творящихся в нашей несчастной России. Тошно становится от мысли о том как должны презирать нас наши союзники. Для меня ночь — лучшая часть суток, по крайней мере забываешься на время».

АРХИЕПИСКОП НИКОН

не смеют давить, пока. Или, например, Чуковских, Лидию Чуковскую и ее дочь Елену — они защищены именем Корнея Чуковского, и сама Лидия Корнеевна имеет известное имя, а вот, например, близкий, очень близкий друг нашей семьи Вадим Борисов, крестный отец двух наших сыновей и мы крестные его детей, ему сейчас грозит со всех сторон, душат его — и все. Год назад его по распоряжению Госбезопасности лишили работы. Он историк церкви. Такому человеку найти работу в Советском Союзе вообще невозможно. И за то его могут в любую минуту выслать из Москвы, выслать в глушь, в Сибирь. Но ему уже объявили, не стесняются: «Как другу Солженицына даем пять лет, в любую минуту, пять лет тюрьмы». Нечего удивляться. Я хочу, чтоб вы представили себе, попробовать бы американским телезрителем это представить. Ну вот, случай с Эткингом. Человек 25 лет был профессором. Вдруг собирается собрание и говорят: «Он — друг Солженицына». И дальше — справка из КГБ. Вообразите, в американском университете приходят, читают справку из, ну, ФБР, как это у вас называется? Справка! Кто ее будет слушать? А у нас — леденеют все, заледенела кровь, все замолчали, и друзья его, кто хотели бы защитить, никто не встанет, не скажет, потому что — «друг Солженицына», а ты его защищаешь, так ты тоже враг народа? Надо представить эту обстановку. У нас — подслушивание телефонных разговоров — да мы об этом стыдимся говорить, потому что это как мухи — вот муха села и улетела. Они все время подслушивают, все разговоры. У нас — взломать кабинет врача, чтоб посмотреть историю болезни? — никто, никогда не будет, потому что не надо взламывать, а врач обязан представить, любая власть говорит: «Ну-ка, дай-ка мне лечебное дело такого-то!» — «Пожалуйста». Понимаете, у нас совсем другой масштаб. Евгений Барabanов, довольно известное имя, его едва не посадили, сейчас вот опять висит над ним. Александр Горлов,

я когда-то писал о нем. Налет Госбезопасности на мой летний домик. Ему сказали: молчи, не то раздавим. А он — не смолчал. Он — не диссидент, он никогда ничего не высказывал, он вообще — никакого отношения ни к чему не имел, просто — честный человек. Он не мог смолчать, он сказал мне, как это произошло. За это его душат непрерывно, вот три года скоро. И сейчас, после моего отъезда, изгнали с работы, душат на смерть. В таком положении находятся мои друзья. Но это я просто примеры привожу. Имена бесконечны, списки огромны, и мы еще знаем только по Москве. А из провинции, из дальних городов — мало что достигает.

Но есть у нас и страшнее способ удешевления. Вот видите, международная пресса, международные организации справедливо говорят: политзаключенные есть не только в Советском Союзе. Да, не только. Но я думаю, не говоря уже о том, что наши тюремные сроки длиннее, что наши лагерные режимы жестче, жестче, что у нас и после срока человек виноват, всю жизнь виноват, если он сидел в тюрьме — кроме того, у нас в Советском Союзе и Восточной Европе в положение виновных и преследуемых ставится семья заключенного, его жена, дети; так было всегда при Сталине, но так осталось и сейчас. Если я — диссидент, если против меня преследование, то чтобы я знал, что моя семья будет голодная, босая и тоже не будет работать, и ее будут преследовать. Вот это есть особый тотальный способ политического устрашения: чтобы каждый думал — не только, рисковать ли ему собой? Но — рисковать ли ему семьей? И вот, мы сейчас приняли легальные действия, которые во всякой стране естественны как воздух: помощь семьям политзаключенных и преследуемых по политическим убеждениям. Помощь семьям — это всюду, в каждой стране делается, в самых страшных режимах, никто никогда не упрекает. А у нас это считается — подрыв ре-

† 19 июня 1974 года на 57-ом году жизни скоропостижно скончался

МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВИЧ КОТЕЛЬНИКОВ,

о чем сообщают мать, жена, дети, зять и родственники

В субботу 27. 7. 74 на 9-й день, в 20 часов в церкви Св. Троицы на ул. Бразиль 315 будет отслужена панихида.

† На 40-й день (30-7-74 в 20 часов) по случаю кончины

СТЕПАНА ИЛЬИЧА ГОРЕЛОВА

в храме Св. Владимира (Сан Мартин 344) будет отслужена панихида, о чем сообщают жена, дети, внуки и многочисленная семья покойного

† 4-го июля с. г. в Suffern U.S.A. после продолжительной и тяжелой болезни на 61-ом году жизни скончался

ПАВЕЛ АРКАДЬЕВИЧ ШПАКОВСКИЙ

кадет Крымского кадетского корпуса и лейтенант 1-й Казачьей Дивизии.

о чем извещают вдова, дети, внуки покойного, брат с семьей в

Аргентине и сестры с семьями в Нью Йорке и Югославии.

Похоронен на русском кладбище Ново-Дивеево в Нью Йорке.

устроивал свои беседы при свете костра, то нам, православным полезно не чуждаться бесед при свете лампы у святых икон...» (Журнал «Разведка», орган Организации Русских Патриотических Разведчиков, 1972)

«Чаще всего, мне думается, древние мастера писали просто молитву. Вот именно: подходит верующий к иконе, чтобы молиться, а его молитва, оказываясь, уже выражена, изображена.

То, что изображено на доске, вполне соответствует настроению, душевному состоянию молящегося. Именно своё состояние он и узнаёт в иконе.

В этом-то и заключалась вся сила воздействия древней живописи.

В этом и состоит ее загадочное, — подчас неуловимое нечто, что пытаются разгадать искусствоведы всех стран и что ускользает всякий раз при анализе только красок, только линий, только сюжетов, только композиций».

(Владимир Солоухин)

«Где-нибудь на лесистых берегах Двины приоткрылось это село. Избы серые, иссечены холодными дождями. Печки, глядишь, по чёрному, — и в этом же самом

селе — шедевры живописи, которые не перестанут изумлять мир.

Это ли не диво-дивное — как есть жар-птица в серой крестьянской избе.

В каждом селе таких вот жар-птиц не одна, а десятки. А через это сама церковь с ее удивительной формой, с ее сложнейшими, но безупречными хоровами пеньями, сама церковь — тоже как жар-птица!» (В Солоухин)

«Доехав до Ельтесунова, — я остановил машину на въезде в село, а сам пошёл пешком посмотреть на руины церкви, сохранившиеся на внутренних частях остатков голубизны. Было впечатление, что тяжёлый снаряд пробил церковь навывлет, а потом танки прокатили сквозь церковь, и вот теперь в останках гуляет ветер. От колокольни не осталось никакого следа. А ведь именно, она, колокольня, обозначала раньше издали село Ельтесуново для всех проезжих и прохожих людей... По колоколенкам ориентировались на своей земле. По колокольному звону выходили — куда нужно. В зимние бураны обязательно звонил колокол, и это было вроде маяка. На колокольни, наконец, просто любовались, ибо действительно они были укра-

жима, и власти не стесняются в мерах подавить эту помощь. Есть Александр Гинзбург такой, он хорошо известен, он в свое время издал «Белую книгу» о Снявском и Даниэле, за это получил пять лет, это был процесс Галанскова-Гинзбурга. Галансков погиб в лагере, Гинзбург жив. Очень болен, но жив. Как вы смотрите с Запада, при малой информации, вам все инакомыслящие кажутся почти одних убеждений, на одно лицо, и одинаковой смелости: и те, кто хотят только вырваться, спасти свою жизнь, и те, кто, стиснув зубы, ежедневно рискуют и свободой, и семьей, отстаивают человеческое достоинство и лучшее будущее своей страны. Так вот Гинзбург — подлинный и настоящий герой, самоотверженный. Я пишу в «Архипелаге»: есть люди, которые отбывши заключение, стараются только наладить свою разрушенную жизнь, а заключение забыть как сон, никогда его не поминать.

Не таков Александр Гинзбург. К чести для него, он воспринял свое заключение как глубокое явление подлинной жизни. Архипелаг — как область своей основной родины. Ни одна встреченная судьба не выпадает из его памяти, ни одно знакомство не расстраивается этапом. Он помнит все судьбы, жизненные обстоятельства, состав семей этих зеков и нужды их. А так как, выйдя на волю, он не поставил целью успешное построение собственной карьеры и не воспользовался предлогом эмигрировать, как ему предлагали, — то такой человек и избран для распределения помощи среди семей зеков. И вот мы организовали здесь в Швейцарии Русский Общественный Фонд. Все гонимые с «Архипелага ГУЛаг» поступают в этот Русский Общественный Фонд, и еще другие будут гонимы от других моих произведений. Может быть, еще кто-нибудь потом будет жертвовать, другие жертвователи. И вот эти деньги мы используем для помощи семьям политзаключенных в Советском Союзе. Мы не делаем ни одного нелегального, незаконного шага, только все строго по советским законам. Тем

не менее, как только властям это стало известно, они тотчас же применили к Гинзбургу методы чисто сталинские. После лагеря он отбыл так называемый срок надзора. Это значит, он должен сидеть в каком-то месте, очень строго себя вести, ну, как комендантский час — не ходить вечером, не бывать в общественных местах, и отмечаться в комендантуре. Он отбыл это, законно. Свободный человек. Так теперь его силой вывели опять из Москвы в Тарусу, а в Тарусе ему объявили полицейский надзор, без суда, вот это вы представьте себе, у нас так это устроено, что достаточно начальству решить снять тебя с работы, снизить твою квалификацию, без суда сказать: «Ты прикреплен к этому месту», — никакого суда, и проступка никакого — все, он теперь сидит там.

Не пошел отмечаться в полицию? — судить его за это. Был суд над ним, на днях, был суд. Пока что он справку представил, что в этот день был в больнице; его и на суд вызвали из больницы, у нас это не помеха. А если не будет справки — его осудят. Душат возможность, уже не заключенных только душат, но самую возможность помогать семьям преследуемых, семьям политзаключенных.

Если работа вашего фонда легальна, то как вы можете думать, что советские чиновники хотя бы на минуту допустят распределение ваших средств?

Да, вот на глазах всего мира Гинзбург преследуют — и как личность, крайне неприятную властям, и особенно — как человека, через которого осуществляется помощь Русского Общественного Фонда. Преследуют — но он эту работу делает. И он будет не одинок, для этого дела всегда найдутся добрые руки. Власть же еще раз показывает свою тотальную жестокость к заключенным и их семьям, к слабым и больным.

А К Т

В воскресенье, 30 июня 1974 года, в большом зале Синодального Дома, непосредственно после окончания Божественной Литургии состоялся розыгрыш лотереи в пользу Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, в присутствии Преосвященного Епископа Лавра, Начальника Миссии Архимандрита Антония и расписавшихся на отдельном листе свидетелей.

Первый приз: Бесплатный полет в Святую Землю и обратно № 11717 — Вера Григорович-Барская из Лейквуда, Н. Дж.

Второй приз: Телевизионный аппарат № 8345 Николай Реут, Стратфорд, Кон.

Третий приз: Пластинка хора Гефсиманских монахинь 1) № 13940 Н. Петрович, Ендвелл, И. I. 2) № 11803 Борис Греков, Ричмонд Хил, Н. I. 3) № 4413 Н. Христиансен, Пасифик Гров Кал. 4) № 6716 Ирина Кей, Хемпстед, Н. I. 5) № 12868 Н. Гордеева-Зарецкая, Сан Франциско, Кал. 6) № 12720 С. Итомленскис, Кливленд, Охайо.

Четвертый приз: Резные деревянные верблюды 1) № 756 Л. Рюмина, Торонто, Канада. 2) № 3719 Г. Войнич, Брюссель, Бельгия.

Билеты вытаскивал князь Григорий Галицин
Правильность проведения розыгрыша подтверждаю:

Председатель Комиссии Епископ ЛАВР

Члены Комиссии:

Секретарь А. ШАТИЛОВА

Лист с подписями прилагается.

Всем жертвователям мы приносим глубокую благодарность за оказанную Миссии помощь.

ВНИМАНИЮ г. г. ПОДПИСЧИКОВ В АРГЕНТИНЕ

С № 1270, то есть с 1 июля с. г. цена номера газеты

будет равняться

\$ 2.-

ОРТОПЕДИЧЕСКИЙ МАГАЗИН
ORTOPEDIA ALEMANA

Протезы, мужская и женская ортопедическая обувь, корсеты, резиновые бинты и т. д. из лучшего заграничного и местного материала. Исполнение заказов быстрое и точное. Говорят по-русски. Предъявителям этого объявления и русским инвалидам особая скидка.

CALLE LIBERTAD 845 — CAPITAL — Т. Е. 44 - 3213

АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ГОРЕЛОВ

INMOBILIARIA ALEMANA BALLESTER

SANTA FE 1791 - Martínez - Т. Е. 798 - 0307

CORRIENTES 132 - Villa Ballester - Т. Е. 768 - 1892

MARENGO 112 - Villa Ballester - Т. Е. 768 - 1699

Av. VELEZ SANSFIELD 5698 - Munro - Т. Е. 762 - 4485

- Продажа и покупка домов, квартир, имений и помещений для индустрии
- Квартирный вопрос вообще

ВСЕВОЗМОЖНЫЕ СТРАХОВКИ.

Открыто каждый день, включая субботу и воскресенье.
Землякам скидка.

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Endodoncia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи. Понед., вторник, четверг и пятница от 15 до 20 час.

Т. Е. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. дор.
Angel Gallardo по улице Corrientes.

ПОКУПАЕМ САМОВАР,
СТАРИННЫЕ ИЗДЕЛИЯ,
ИКОНЫ, КАРТИНЫ,
СЕРЕБРО И ПРОЧЕЕ
ТЕЛЕФОН: 811-0116

Розыски

Анна Хорошилова разыскивает брата Анатолия Владимировича Хорошилова, рожд. в 1913 году.

Лиц, знающих что-либо о нем, просят сообщить по адресу:

Anna Horoschilow, Falucho 710 Villa Ballester, Prov. Bs. As. Argentina.
Tel. 768 - 7450

Разыскиваю Софию Вячеславовну Зорич. Писать в Редакцию «землячке».

ЗУБНОЙ ВРАЧ

DOCTORA

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА
ШПАКОВСКАЯ-ПИССОРНО
ODONTOLOGA

(говорит по-русски)

Специальное лечение корней зубов

Бор-машина Ultrasónico

Искусственные зубы

Рентгеновские снимки

Прием: понедельник, вторник и пятница с 15 до 21 часа.

Суббота — с 14 до 18 часов

Mendoza 1857 (entre España y Roca).

San Miguel, Prov. Bs. As.

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель-Редактор

Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Со-Редактор

Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Статьи, подписанные фамилией или инициалами, не обязательно всегда полностью выражают мнение редакции. Редакция не отвечает за содержание публикуемых объявлений, сообщений и иных документов, исходящих от учреждений или частных лиц. Редакция не возвращает присланные ей материалы.
Телефон Редакции: 52-7426.

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontologia

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)

Специальное лечение корней зубов.

Бор-машина Ultrasónico.

Искусственные зубы.

Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 14 до 20 час.

Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
Т. Е. 88 - 3605

Доктор

ДМИТРИЙ ПОЛЯКОВ

ПО ВНУТРЕННИМ БОЛЕЗНЯМ

принимает: вторник и четверг

от 15 до 19 час.

остальные дни: заказывать часы.

Pueyrredón 443, Villa Ballester

четыре квартала от станции.

Т. Е. 768 - 5113

ХОЧУ КУПИТЬ УЧАСТОК В

Córdoba, Alizacate, Villa Descanso.

Sr. Semen Oszurkiewicz

Lavoisier 3125, Capital.

ИНСТИТУТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ УСТРАИВАЕТ СВОИ

ВЕСЕННИЙ БАЛ

23 ноября 74 г. в зале

CENTRO ASTURIANO, Av. LIBERTADOR 1081, VICENTE LOPEZ

Подробности будут сообщены своевременно

шением наших русских холмистых равнин...» Чёрные доски» В. Солоухин.

«Писателей надо объявить вне закона, как самых опасных врагов народа». (Робеспьер)

«Нет убедительности в поношении» (Пушкин)

«Остерегайся посредственных и жалобных. В твоём присутствии они чувствуют себя маленькими и в своей низости они воспаляются против тебя. Они как ядовитые мухи, желающие высосать твою кровь. Но не подымай свою руку против них. Быть мухобойцем — не твой удел». (Ницше)

Руссо чрезмерно любил растения. По меткому выражению Баресса его сердце было «ботанизировано». Стюарт Милл и другие логики позитивисты имели, напротив, сердце «минерализованное». Полноценным, здоровым человеческим сердцем, повидимому не обладали ни те, ни другие.

Слава это не есть удача. Слава — это борьба, отчаяние, боль постоянных усилий и, во многих случаях, поражение.

Скептицизм был порожден противоречиями различных школ и доктрин. Но скептицизм — это сомнение, а сомнение

— порождает отчаяние. Только вера дает нам мир.

Высшая мера храбрости — в Богобоязни. Самый храбрый человек это тот, кто боится только Бога и больше не боится ничего и никого.

Мужественный человек обыкновенно страдает, не жалуясь; человек же слабый, жалуется не страдая.

«Смелчаки способны только на один порыв. Храбрецы обладают лишь темпераментом; мужественные — лишь доблестью; упорствующий в истине обладает величием. Почти весь секрет великих душ заключается в этом слове: настойчивость. Настойчивость для мужества то же, что колесо для рычага; это постоянно возобновляющаяся точка опоры». (Б. Гюго)

Лучше рухнуть скалой, чем сыпаться песком.

Нам — политическим борцам — надо, главным образом воспитывать волю. Существуют разные способы.

Академик Иван Павлов однажды сказал своему врачу: — Марки действуют на мое здоровье лучше, чем бром. Что это? Чуждачество выдающегося ученого? Нет. Еще в начале нынешнего века один из венских врачей обратил внимание на

лечебные свойства коллекционирования. То же самое в 1930 году подтвердил доктор Карл Бефор из Лондона. Но его выводы, к сожалению, были подняты на смех коллегами.

Сегодня проблемами филателии все больше и больше интересуются ученые-медики. При лечении психических и нервных заболеваний особого внимания заслуживает применяемый в последнее время «метод стимулирования к коллекционированию почтовых марок». По сообщениям английской и шведской печати, лечение «почтовыми марками» приводит в этих странах к превосходным результатам. Иной раз никакое испытанное средство не может дать того, что под силу этим маленьким красочным плакатикам. Кстати, примерно такого же мнения о коллекционировании был и Альберт Эйнштейн.

Как утверждают некоторые врачи, «марочная терапия» заключается в том, чтобы вызвать у больного интерес к собиранию, сортированию, обмену марок. Она действует необыкновенно успокаивающе и помогает преодолеть состояние депрессии или нервного утомления. «Марочную терапию» нужно применять в индивидуальном порядке — она зависит от интересов и увлечений больного, от формы заболевания.

Напомним здесь же, что, по мнению Павлова, коллекционирование есть школа воли.

«Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека вижу... Открыто, пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города: ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет и рыдает и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу и выются около моего сердца? Русь! Что же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи? И еще полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль перед твоим пространством...» (Н. В. Гоголь)

Смело мы в бой пойдем

За Русь Святую!

И как один прольем

Кровь молодую.

(Песня Белого Движения)

«Счастье помогает смелым» (Виргилий)
П. САВЕЛЬЕВ